

Е.Е. СЕРЕГИНА
Москва

Церковнославянский язык в литературной практике XIX века: В.А. Жуковский и А.С. Пушкин

В статье рассматриваются некоторые факты употребления церковнославянизмов в русском литературном языке XIX в., а также различные формы обращения к церковнославянскому наследию В.А. Жуковского и А.С. Пушкина.

Ключевые слова: *русская словесность XIX в.; церковнославянский язык; стилистические функции старославянизмов; языковая игра; переводы В.А. Жуковского и А.С. Пушкина.*

Исследование функциональных возможностей славянизмов и поиск места для них в языковой системе русского языка – это один из ключевых вопросов золотого века русской литературы. В XIX в. задачи, связанные с этим поиском, в основном нашли свое решение, и стилистически значимые славянизмы сохраняли свои функции в литературном языке, употребляясь для создания возвышенного слога, передачи исторического колорита, для выражения гражданских идей. Объем и глубина архаичности славянизмов в литературной практике писателей зависели как от тематики произведений, так и от языковой установки авторов.

Не менее активны языковые и текстуальные рефлексии церковнославянского происхождения в тех формах письменной речи, которые напрямую не были связаны с художественным словом – в эпистолярной, литературных манифестах. Эти жанры позволили писателям непринужденно импровизировать на границе обыденного и сакрального в поисках тех языковых

«дозировок», в которых смешение или соприкосновение различных речевых пластов могло давать выразительные эффекты. «Новое издание очень мило – с богом – милый ангел или аггел Асмодей», – так пишет А.С. Пушкин в письме к П.А. Вяземскому, обыгрывая смысловые различия слова *ангел*, которое в церковнославянском языке в зависимости от значения пишется и произносится по-разному; ср.: *аггель* ‘злой дух, бес’ и *ангель* ‘ангел Господень’. Завершая письмо к Вяземскому в 1824 г., поэт шутливо, в традициях арзамасской речи, использует церковнославянскую звательную форму:

Благослови, преосвященный владыко Асмодей!

Те же славянизированные формы и в письмах к В.А. Жуковскому 1825 г.:

Отче, в руке твои предаю дух мой; ...*отче!* не брани меня и не сердись, когда я бешусь; подумай о моем положении...

Неразрывная генетическая связь церковнославянского языка и русской словесности осознавалась писателями XIX в., поэтому славянизмы являлись неотъемлемой частью их языковой практики. При этом легкость языковой импровизации с архаичным наследием была возможна лишь

*Сергина Елена Евгеньевна, кандидат филол. наук, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та.
E-mail: anel1974@bk.ru*

при условии превосходного владения всеми ресурсами славянской книжности, но легкость требовала ответственного отношения к предмету, широких познаний в области церковнославянской книжности и понимания тонкостей церковнославянского языка.

Определяющая роль в литературном процессе XIX в. принадлежит А.С. Пушкину, но «без Жуковского мы не имели бы Пушкина» [Белинский 1947: 348]. История личных и творческих взаимоотношений поэтов не раз становилась предметом научных исследований. Обратим внимание на еще один объединяющий момент в творческом развитии двух писателей – это духовная, эстетическая и филологическая потребность обоих в изучении церковно-книжного наследия.

Письма Пушкина разных лет свидетельствуют об устойчивом интересе поэта к одному из жанров церковнославянской книжности – житиям. В 1825 г., во время работы над «Борисом Годуновым», Пушкин обращается с просьбой к Жуковскому: «...Нельзя ли мне доставить или жизнь *Железного колтака*, или житие какого-нибудь *юродивого*. Я напрасно искал Василия Блаженного в Четьих Минях – а мне бы очень нужно». В 1831 г. через посредство Плетнева, он уже сам советует Василию Андреевичу обратиться к житиям, попутно давая выразительную оценку древнему жанру: «Если все еще его (Жуковского. – Е.С.) несет вдохновением, то присоветуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах; прелесть простоты и вымысла!». Также сохранились выписки Пушкина из житий Иоанна Кущника, св. Ора черноризца, преп. Никиты, затворника Печерского, и выписка из эпитафии к первой трети Четьих-Миней: «Житія и похвалы Святыхъ...». В начале 30-х гг. Пушкин осуществил переложение с церковнославянского языка на русский Жития Саввы Сторожевского.

Большую роль в духовно-нравственных исканиях В.А. Жуковского сыграло обращение к церковно-книжному наследию. С 1814 г. Жуковский выписывает в личный дневник цитаты из Евангелия на

церковнославянском языке, создает стихотворные произведения на библейские сюжеты; дневниковые записи зимы и весны 1841 г. начинаются с фрагментов из апостольских посланий, а в 1844 г. поэт приступает к переводу Нового Завета на русский язык.

Перед нами важное свидетельство того, что в литературных кругах XIX в. на церковнославянском языке читают, его изучают, используют в духовной практике, применяют как языковой, литературно-эстетический и исторический материал. Но в этот период конкуренцию церковнославянским текстам составляли французские и немецкие издания Священного Писания. В 1824 г. А.С. Пушкин просит у своего брата: «Библию, библию! и французскую непременно». В ноябре 1841 г., по свидетельству Жуковского, они с женой читают вслух апостольские послания на немецком языке с комментариями Герлаха.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что Жуковский и Пушкин являлись соратниками по арзамасскому объединению, в котором сформировался своеобразный стиль, построенный на игре слов, форм, жанров, соединяющий серьезное и шутовское начало. В основу импровизаций были положены во многом пародийные (по отношению к «шишковистам») языковые эксперименты с архаичным наследием, которые породили славянизированный формуляр арзамасских документов – протоколов и речей членов общества. Например:

Наставшему часу сурьезных испытаний его превосходительство облекли в страннический хитон... препоясали вервием союза, коего узел сходился на самом пупе в знак сосредоточения любви в едином фокусе... [«Арзамас»: Сборник 1994: 332]

Дательный самостоятельный (*наставшему часу сурьезных испытаний*), книжная лексика славянского и иноязычного происхождения (*облекли, хитон, вервие*) представляют резкий стилистический контраст с нейтральными, просторечными и заимствованными словами в одной фразе.

В записях протоколов арзамасских заседаний, в письмах членов общества можно обнаружить целый спектр архаичных конструкций. Например:

– различные формы прошедшего времени, употребительные в церковнославянском языке, – аорист, имперфект и перфект:

Все послание было хорошо, но это место было прекрасно. Что ж? На третий день *ми-моидох, и се не бе*. Батюшкову что-то там не понравилось, и он все изорвал; ...А из недвижных уст, казалось, исходил грозящий голос: «Чадо, возвратися вспять в Беседу вторую, из нее же ишел еси»; *Уене* ревностный товарищ Политковских и Галинковских! Делатель прилежный беседного винограда дурных стихов и тяжелой прозы, почил есть;

– энклитическая форма дательного падежа единственного числа местоимения 1-го л. – *ми*:

Прийди, гласит оно, *зablуждшая* овца, *очистися от смысла греховного и будешь ми сосуд избранный!*;

– склонение числительных по нормам церковнославянского языка:

Месяца листопада в *осьмыйнадесять* день, по обыкновенному летосчислению 1815 года...

Список ожившей архаики у арзамасцев можно перечислять и дальше.

Стиль этих речей и документов впоследствии получил именование «грамматика арзамасской галиматы» (см.: [Ронинсон 1988]). Известно, что большая часть протоколов общества была написана именно В.А. Жуковским.

Такие агрессивные эксперименты с церковнославянским наследием, на первый взгляд, кажутся неуместными среди писателей, для которых вдумчивое отношение к слову являлось духовной и языковой константой, тем более если слово или цитата были извлечены из церковнославянского источника. Во вводной статье 1933 г., которая предвляла публикацию арзамасских документов, советские издатели прямо говорили: «Жестокое насмешки арзамасцев направлены не только на “старый слог”, но и на его главный источник и воплощение – “священные”, “духовные книги” – церковность... Беседы по форме своей являются прямой и весьма характерной пародией библейских текстов, молитв, проповедей и т.п.»

[Арзамас и арзамасские протоколы 1933: 9–10]. Однако этот взгляд на отношение к церковнославянскому языку и книжности Жуковского, Пушкина и остальных арзамасцев представляется нам идеологизированным и поверхностным.

Экспансия церковнославянизмов в арзамасские беседы осуществлялась путем переноса языковой единицы из сакрального текста в арзамасскую речь, при этом лексика, отрываясь от контекста, теряла смысловые связи с первоисточником. Вот почему арзамасский стиль неправильно считать заигрыванием, а тем более насмешкой над священными текстами и Церковью как таковой. Этот стиль был принят как полемический, пародийный противовес взглядам и языковой практике деятелей «Беседы любителей русского слова». Полемика велась прежде всего с А.С. Шишковым, призывавшим использовать церковнославянский лексический материал для создания новых слов и терминов. Арзамасские речи – это не приспособление славянизмов в целях глумления над церковнославянской книжностью, а наглядная демонстрация неуместности такого рода литературного языка – искусственного и нежизнеспособного конструкта. Языковая практика архаистов слишком прямолинейна, а потому впадает в выспренность и тем самым становится нелепой и смешной, что и показывали арзамасцы. Обращение с архаическим наследием не может быть механическим калькированием, необходим выбор из славянского наследия тех языковых единиц, которые оправданы содержанием текста и при этом остаются доступными пониманию носителя русского языка.

К тому же недолгий период существования «Арзамаса» (1815–1818) – это время языковой раскрепощенности для членов общества, потребности в лингвистических экспериментах, в словесной игре. Арзамасцы заведомо понимали друг друга, с полунамека ловили смысл сказанного – при этом были свободны от обременений и ограничений, связанных с публичностью, так как первоначально ни речи, ни переписка членов общества не были рассчитаны на освещение в печати.

Они просто отдавались словесной игре, следя за возникающими языковыми эффектами, с улыбкой предвкушая реакцию оппонентов из «Беседы».

Впоследствии Жуковский, который являлся бессменным секретарем арзамасского объединения, погрузился в стихию церковнославянского языка со всей научной серьезностью.

Наряду с активным использованием славянского наследия в литературном языке XIX в. развивается и другое направление – практика переводов с церковнославянского языка на русский. Это связано с тем, что значительная часть архаичной лексики, устаревших грамматических форм и синтаксических конструкций, прежде всего в текстах Священного Писания, для многих была затемнена. И даже в собственном творчестве некоторые писатели, употребляя славянизмы, приписывали им неверное значение. Так, в «Библиотеке для чтения» автор одного из поэтических произведений, говоря о великих делах Николая I, называет царя «*поборником* грядущих зол», т.е., в соответствии со значением слова *поборник* в церковнославянском языке, «*союзником* грядущих зол», а не тем, кто их поборет, как, видимо, представлялось поэту. Цензоры вовремя спохватились и заменили *поборник* словом *рушитель* (см.: [Никитенко 2005: 152]).

Как уже отмечалось, в литературном наследии В.А. Жуковского и А.С. Пушкина сохранились переводы с церковнославянского языка на русский. Мотивы, которые побудили поэтов обратиться к такому роду деятельности, были различными. Перевод Нового Завета Жуковский первоначально не предназначал для публикации, а предполагал для домашнего использования. Не существует убедительного ответа и на вопрос, зачем Пушкин осуществил переложение Жития преподобного Саввы Сторожевского и какое могло быть практическое применение переводу.

Итак, в 1844 г. Жуковский приступает к работе над переводом Нового Завета, которую он завершил к 1 января 1846 г. Впервые текст Жуковского был опубли-

кован в 1895 г. в Берлине, а переиздание Нового Завета в его переводе с комментариями и исследовательскими приложениями было осуществлено только в 2008 г. (см.: [Новый Завет 2008]). Отличительной чертой перевода Жуковского является подчеркнуто славянский облик Нового Завета. В своем варианте Жуковский сохраняет значительный пласт архаичной лексики (*прияли, паче, предрек, узри*), заменяет одни церковнославянизмы на другие (*якоже – поелику, зане – понеже*), использует устаревшие грамматические формы (*есмь, еси, есть*) и книжные синтаксические конструкции (*наставшему же вечеру – дательный самостоятельный*). По поводу перевода Жуковского И.В. Киреевский писал: «Вы перевели Евангелие на русский язык. Это великий подвиг, который может дать нашему языку то освящение, которое ему еще не достает... Только бы смысл везде сохранен был настоящий православный, именно тот, какой в словенском переводе, а не тот, какой в некоторых словах дают многие переводы иностранные, стараясь не понятие человека возвысить до Откровения, но Откровение понизить до обыкновенного понятия... Перевод Ваш, впрочем, как бы хорош ни был, не должен заменить словенский: словенский должен жить, и им должна дышать Россия... Но литературный язык получит от достойного русского перевода то помазание, которого он еще не имеет» [Киреевский 2006: 147].

Очевидно, что положительным эффектом от перевода, о котором, возможно, думал и сам Жуковский, а впоследствии увидел И.П. Киреевский, стала передача русскому литературному языку тех смыслов, которые заложены именно в священных текстах. Это перенос славянизмов в русскую редакцию Нового Завета со всей глубиной их религиозного и контекстуального смысла, а не формальное заимствование, в отличие от былых арзамасских игр.

Что касается преобразований церковнославянского текста Жития Саввы Сторожевского, осуществленных А.С. Пушкиным, то можно отметить следующее:

поэт не следовал строгому принципу, в соответствии с которым высокий жанр требует исключительно высокого, книжного слова. Пушкин при переводе достаточно свободно выходит за рамки славянского поля текста. Он заменяет неполногласные церковнославянские сочетания полногласными русскими: *Звениград* – *Звенигород, стране – стороне*; в некоторых случаях устраняет архаичные славянизмы *зело, абие, довольно* и даже вводит в текст западноевропейское заимствование: вместо старославянизма *злато* использует слово *сумма*. Можно полагать, что все эти преобразования были частью пушкинского замысла – приспособить язык повествования одновременно и к духовным, и к художественным задачам. При общей сохранности славянского облика жития количество славянизмов сокращается в той части, где речь идет о житейских ситуациях, а духовно значимые события сохраняют право на церковнославянское слово или форму. Таким образом, результат переводов с церковнославянского языка во многом определялся поставленной целью и языковой стратегией авторов.

Подведем итоги. В русской словесности XIX в., особенно его первой половины, существовала выраженная потребность в интеграции церковнославянского наследия в литературную практику, вопрос стоял лишь о форме и мере включения архаичных элементов в русский литературный язык. Славянизмы в экспериментальном порядке могли «сдвигать» границы литературной нормы: они были способны к возвышению языка или к целенаправленному затемнению его смысла, и они же служили средством пародии, иронии и экспрессии. Все это находит подтверждение в литературной практике В.А. Жуковского и А.С. Пушкина, особенно в «арзамасском» прошлом поэтов.

Вместе с тем в литературной среде актуализируется и другой процесс – сам церковнославянский текст становится объектом пристального изучения, и как результат появляются переводы на русский литературный язык. Однако в рамках этой общей тенденции нельзя не учитывать тот факт, что и Пушкин, и Жуковский прошли определенный жизненный, духовный и творческий путь, изменились сами и, возможно, в какой-то степени изменили свое отношение к церковнославянскому наследию. Восприятие старины, языка стало глубже, поэтому и литературные опыты с архаикой у каждого из них оставили очень разные по характеру образцы переводческой деятельности – Новый Завет В.А. Жуковского и Житие Саввы Сторожевского в переложении А.С. Пушкина.

ЛИТЕРАТУРА

Арзамас и арзамасские протоколы. – Л., 1933.

«Арзамас»: Сборник: В 2 кн. – Кн. 1: Мемуарные свидетельства; Накануне «Арзамаса»; Арзамасские документы. – М., 1994.

Белинский В.Г. Избранные сочинения. – М., 1947.

Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полное собрание сочинений: В 4 т. – Калуга, 2006. – Т. 3.

Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. – М., 2005. – Т. 1.

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Перевод В.А. Жуковского. – СПб., 2008.

Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. – 1977, 1978. – Т. 9, 10.

Ронинсон О.А. О «грамматике» арзамасской «галиматзи»: Функционирование русской литературы в разные исторические периоды // Учен. зап. Тартуского ун-та. – Вып. 822: Труды по русской и славянской филологии. – Тарту, 1988.